

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЭПАТАЖА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ РУССКИХ ФУТУРИСТОВ)

В статье показано, что эпатаж является стилеобразующей чертой поэзии русских футуристов. Автором рассматриваются способы создания эпатирующего эффекта на лексическом уровне. На основе выработанной классификации лексических средств создания эпатажа делается вывод о том, что эта классификация может быть применима и к другим поэтическим текстам.

Ключевые слова: художественный текст, русский футуризм, эпатаж, эпатирующий эффект, эмотивная лексика, окказионализм, просторечная лексика, метафора.

Современная лингвистика при рассмотрении языковых процессов основное внимание уделяет субъективному фактору. Антропоцентрическая парадигма выдвигает в центр исследований языковую личность и текст как продукт ее речемыслительной деятельности. Своеобразие творческой языковой личности отражается в созданных ею художественных текстах. Значимым на сегодняшний день представляется изучение семантических модификаций поэтического слова в аспекте идиостиля, т.к. идиостиль «проявляется и в способах эстетической актуализации ключевых слов, в их семантических и эстетических трансформациях на уровне текстовой парадигматики и текстовой синтагматики в соответствии с коммуникативной стратегией автора и его интенцией» [2, 10].

Особый интерес с этой точки зрения приобретает поэтический язык футуристов, т.к. все их творчество отличается нарушением общепринятых норм и правил: этических, эстетических, языковых. Если нарушение последних мы можем наблюдать только в поэзии футуристов, то этические и эстетические нормы нарушаются и в языке, и в поведении, и в оформлении собственных книг и сборников. Данные нарушения, по нашему мнению, направлены на создание так называемого эпатирующего эффекта. Под эпатирующим эффектом мы понимаем психологическое состояние реципиента, достигаемое нарушением поэтами общепринятых норм и правил с целью удивить, поразить, ошеломить читателя.

В языке эпатаж чаще всего проявляется на лексическом уровне. Для его возникновения поэты-футуристы использовали различ-

ные приемы. Проанализировав футуристические тексты с точки зрения создания ими эпатирующего эффекта, мы выявили такие приемы:

1. Возникновение контраста, основанного на использовании эмотивов с несовместимыми эмоционально-оценочными значениями.

2. Функционирование большого количества эмотивов, близких по лексическому значению, но содержащих семы эмотивности с различными эмоциональными оттенками, что способствует нагнетанию негативного значения.

3. Использование эмотивной лексики, содержащей семы пренебрежения, уничтожения, для описания «высокой» ситуации.

4. Функционирование в тексте сниженной лексики, в футуристическом тексте – преимущественно просторечной.

5. Введение в текст окказионализмов, образованных с нарушением законов словообразовательной системы русского языка.

6. Привлечение метафор, рисующих антиэстетические и антиэтические образы.

Основываясь на данных приемах, мы можем говорить о том, что эпатирующий эффект на языковом уровне создается в результате использования «специальных» лексических единиц, для которых мы ввели обозначение «эпатажная лексика». Таким образом, «эпатажная лексика» – совокупность лексических единиц, употребление которых в поэтическом тексте основано на явном нарушении различных норм. Большую роль при выделении «эпатажной лексики» из текста будет играть контекст, а также знание этических и эстетических норм, являющихся частью менталитета человека.

Именно поэтому при анализе некоторых лексических единиц необходимо обращаться к знаниям, составляющим наивную картину мира носителей русского языка¹.

Рассмотрим подробнее, каким образом возможно создание эпатирующего эффекта на лексическом уровне.

1-й прием. В поэзии В. Хлебникова, В. Маяковского, Д. Бурлюка очень часто используются одновременно две и более лексемы с несовместимым эмоционально-оценочным значением. Например, у В. Хлебникова встречаем:

С венком из молний *белый черт*
Летел, крутя власы бородки:
Он слышит вой власатых морд
И слышит бой в сковородки
(«Гонимый – кем, почему я знаю?»)

Здесь эпатаж возникает в результате использования словосочетания *белый черт*. Слово *черт* по религиозным представлениям обозначает сверхъестественное существо, олицетворяющее собой злое начало [15, 633]. Как мы знаем, со словом *зло* всегда ассоциируется черный цвет. Это подтверждается имеющимися в языке устойчивыми выражениями, например *черный день*, *черная магия*, *черная зависть*. В.А. Маслова отмечает, что в языковой картине мира русского народа черный цвет, происходя от огня, символизирует безобразие, ненависть, печаль, смерть [7, 105]. Это подтверждается и данными «Русского ассоциативного словаря» (далее РАС), в котором на слово-стимул *черный* словом *черт* представлены четыре реакции [14, 722].

Однако В. Хлебников показывает нам белого черта. Причем слово *белый* в данном контексте указывает не на цвет, а на качество. Заметим, что данное значение не зафиксировано в словаре Ожегова. По справедливому замечанию В.А. Масловой, прилагательное, обозначающее цвет, из образительного эпитета переходит в оценочный [7, 106]. Так, слово *белый* используется в качестве оценочного определения со значением «хорошее, красивое». Что касается ассоциативного ряда, то в РАС не представлено ни одной реакции со словом *черт* на слово *белый*. В результате данного приема создается эпатирующий эффект.

2-й прием. Другим условием создания эпатирующего эффекта является функционирование в футуристическом тексте большого количества эмотивов, близких по лексическому значению, но содержащих семы эмотивности с различными эмоциональными оттенками, что способствует нагнетанию негативного значения. На примере творчества К. Олипова, который задает эмоциональный настрой своим произведениям уже с первых строк, проследим, как осуществляется переход эмотивной лексики в разряд «эпатажной». В стихотворении «Глагол родителя мироздания» содержится указание на адресата – «негодьям и мерзавцам», а в «Анафеме родителя мироздания» – «проститутам и проституткам». Лексемы *негодяй* и *мерзавец* имеют ярко выраженную негативную оценку, которая заложена в их лексическом значении. Употребление данных лексем в языке и речи можно наблюдать при характеристике подлого, низкого человека. Слово *проститутка* называет «профессию», при этом в толковых словарях не содержится никаких стилистических помет. Но в культурном сознании русского человека оно ассоциируется с чем-то низким, а следовательно, вызывает отрицательные эмоции у читателя и слушателя. Окончательно эпатирующий эффект формируется в сознании читателя, когда приходит понимание, что поименованный адресат и есть он сам (футуристы, как известно, адресовали свои поэтические тексты широким массам). В тексте последнего стихотворения поэтом используется несколько однородных существительных, каждое из которых также вызывает отрицательные эмоции (написание текста соответствует источнику. – А.З.):

ВСЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА –
ПОШЛОСТЬ, ЖЕСТОКОСТЬ,
ПРОДАЖНОСТЬ, ГЛУМЛЕНЬЕ

Все однородные сказуемые в данном примере содержат в лексическом значении семы эмотивности с очень ярким негативным оттенком. При этом наибольшую отрицательную характеристику, на наш взгляд, содержит первый эмотив – *пошлость*. Об этом свидетельствует ряд работ, посвященных анализу данного кон-

¹ Наивная картина мира, согласно Ю.Д. Апресяну [1], – отражение обиходных (обывательских, бытовых) представлений о мире, противопоставленное научному своду знаний.

цепта. Так, И.Б. Левонтина пишет следующее: «Это слово [пошлость. – А.З.] выражает самую убийственную эстетическую оценку, какая есть в русском языке. Пошлое гораздо хуже безобразного. Безобразное контрастирует с прекрасным, тем самым только подтверждая наше представление о красоте. Пошлость компрометирует прекрасное, потому что обычно подражает ему и пародия иногда лишь неуправляемо отличается от оригинала. Но пошлость убивает в каждом явлении то, что составляет его сокровенный смысл, и поэтому она невыносимо оскорбительна для вкуса» [6, 232]. Подобную точку зрения высказывают А.А. Зализняк и А.Д. Шмелев [3]. Итак, мы видим, что лексема *пошлость* несет в себе очень сильную негативную оценку. А поскольку она стоит в одном ряду с другими эмотивами – *жестокость, продажность, глумление*, – то можно говорить о возникновении эпатажирующего эффекта, строящегося уже не на лексико-семантическом контрасте, а на повторе слов с негативной эмотивной окраской.

3-й прием. Использование эмотивной лексики с негативной окраской для описания «высокой» ситуации в художественном тексте способствует возникновению эпатажа. Под «высокой» ситуацией мы понимаем описание образов и ситуаций, которые составляют ядро культурного сознания человека и в результате этого имеют сакральный характер. Для описания таких образов часто используется лексика с оттенком торжественности, содержащая в словарях, как правило, пометы *книжное* и *устаревшее*.

Одним из сакральных образов в русской языковой картине мира является концепт «Бог»². О.Ю. Печенкина в качестве основных экспликаторов данного концепта в русской языковой картине мира называет лексемы *Бог, Господь, Творец, Создатель, Спас, Отец* [10]. Футуристы, описывая образ Бога, снижают его в отличие от других поэтов и писателей (М. Волошин, Н. Гумилев и др.). Так, о снижении образа Бога как характерной черте творчества В. Маяковского писал В.Ф. Ходасевич: «Он (Маяковский. – А.З.) и изысканное опошлил, сложное упростил, тонкое огрубил, грубое обмелил, возвышенное прини-

зил и втоптал в грязь» [16, 225]. Для снижения сакрального образа Бога футуристами чаще всего используются эмотивы и метафоры. Например, у В. Маяковского встречаем:

Я думал – ты *всесильный божиче*,
А ты *недоучка, крохотный божик*.
(«Облако в штанах»)

Лексемы *божиче* и *божик*, являющиеся окказиональными образованиями, приобретают эмоциональную окраску за счет присоединения к производящей основе суффиксов субъективной оценки. Эмоциональный оттенок пренебрежения накладывается на производные слова в результате того, что В. Маяковским нарушается изображение Бога, имеющего в сознании русского народа образ всесильного существа. Содержат в себе семы эмотивности и эпитеты *всесильный* и *крохотный*. Однако усиливает эпатажирующий эффект, созданный использованием названных эмотивов, введение в художественный текст лексемы *недоучка*, имеющей негативный оттенок значения и употребляющейся только по отношению к человеку. Путем использования данного эмотива поэт-футурист стремится показать свою равновеликость Богу.

Снижает образ Бога и «король поэтов» И. Северянин. Так, в «Эпиталаме» мы встречаем строки:

Весенься вечно, бог пьяный слепо,
Всегда весенься, наивный бог!

Поэт при описании Бога употребляет оценочные прилагательные *пьяный* и *наивный*. Данные лексемы могут быть использованы только при описании человека. В значении лексемы *пьяный* содержится сема отрицательной оценки. Усиливает эмоциональность всего контекста предикат, являющийся окказиональным образованием. Говорить о том, что он также несет в себе эмоциональную окраску, нам позволяет точка зрения А.Г. Лыкова, называющего эмоциональность (экспрессивность) одним из признаков окказионального слова. Однако эпатажирующий эффект создается не за счет употребления новообразования, а за счет наделения бога челове-

² Концепт – это обозначение обобщенной мыслительной единицы, которая отражает и интерпретирует явления действительности в зависимости от образования, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка [12, 30].

ческими качествами, эксплицитированными оценочными прилагательными.

4-й прием. Исследователи футуристического творчества неоднократно обращали внимание на большое количество просторечной лексики в языке поэтов. По замечанию Е. Невзглядовой, «в XX столетии поэзия вышла на улицу, чтобы вслушаться в ее голос. Поэт-футурист провозгласил: «А если сердце к тревогам улиц пребудет глухо, / руби мне, грохот, руби мне глупое, глухое ухо!» (Н. Асеев). Уличное слово буквально загнипнотизировало поэзию своей витальностью и стало образцом для речетворчества» [8, 126]. Однако особенностью просторечной лексики является то, что при включении ее в поэтический язык она создает эпатирующий эффект. Об этой особенности просторечных слов говорил еще В.В. Колесов: «Для простого люда такие слова – форма социального протеста, *средство эпатажа* (курсив наш – А.З.) «сытеньких», для них это – «сильные», «крепкие», «крупные» выражения» [5, 76].

Вызывают интерес с лексической точки зрения просторечия, выполняющие функции предиката в поэме В. Маяковского «Облако в штанах». Характерной особенностью его предикативных просторечий является то, что они использованы в переносном значении, реализованном в метафорах. Например:

А улица присела и заорала:
«Идемте *жрать!*»

Лексема *жрать* является бранной и потому не входит в состав литературного языка. Ее включение в контекст создает эпатирующий эффект, который усиливает глагольная метафора *улица присела и заорала*. Следует отметить, что предикат *заорать* не только находится за пределами литературного языка, но и содержит при себе помету *неодобрительное* [9, 459].

5-й прием. Во многих манифестах и декларациях футуристы провозглашали принцип словотворчества, выходящего за пределы грамматической правильности. Результатом их словотворческой деятельности явилось рождение большого количества окказионализмов. Значительную часть окказиональной лексики в футуристическом тексте составляют лексические

единицы, использование которых способствует созданию эпатирующего эффекта.

Окказионализмы, т.е. авторские новообразования, всегда имеют эмоциональную окрашенность. Однако у окказионализмов, образованных с нарушением законов словообразовательной системы русского языка, она выше. Об этом говорит и Я.П. Полухина: «Окказионализмы, созданные с нарушением языковых законов, – необъятный резерв экспрессии, которая заключена в их незаданности и неожиданности, в эффекте рождения сложного художественного образа» [11, 9].

Обратимся к примерам. У В. Хлебникова в «Воспоминаниях» мы встречаем предложение *От поцелуев странника / Вся современность ниагарится*. Окказиональный глагол образован от имени собственного, что не соответствует языковым законам. Чтобы определить его лексическое значение, нужно обратиться к знаниям, составляющим наивную картину мира: *Ниагара* – река, протекающая в Северной Америке, содержащая в своем течении *Ниагарский водопад*, который, срываясь с обрыва, издает очень громкий звук. Отсюда делаем вывод, что окказионализм имеет значение «издавать очень громкие, оглушительные звуки во время веселья».

Большое количество окказионализмов использовано поэтом в стихотворении «Усадьба ночью, чингисхань!». Из пяти окказиональных глаголов, образованных от имен собственных – фамилий известных исторических и культурных деятелей, – четыре стоят в форме повелительного наклонения:

Усадьба ночью, чингисхань!
Шумите синие березы.
Заря ночная, заратустрь!
А небо синее, моцарт!
И, сумрак облака, будь Гойя!
Ты ночью, облако, роопсь!
<...> Пусть сосны бурей омамаены
И тучи движутся Батья...

Словообразовательное значение этих глаголов одинаковое – ‘производить действие, подобное действию человека, имя которого названо производящей основой’. Для того чтобы адекватно понять смысл новообразований, реципиент должен владеть культурным контекстом,

который несет в себе названные имена. Использование таких новообразований для описания явлений природы, безусловно, создает эпатирующий эффект.

6-й прием. Поэзия футуристов насыщена метафорами, многие из которых способствуют созданию эпатирующего эффекта. Такие метафоры мы называем «эпатажными». Однако художественная метафора становится «эпатажной» лишь в том случае, если она рисует в сознании читателя антиэстетический или антиэтический образ. Ярким примером использования «эпатажной» метафоры является произведение Д. Бурлюка «Мертвое небо»:

Звезды – черви – пьяные туманом...
...Звезды – черви – (гнойная живая) сьпь!!

В данном примере процесс метафоризации основывается на ассоциации по цвету. Однако, обратившись к РАС, мы увидим, что самыми распространенными реакциями на слово-стимул *белый* стали *снег, черный, цвет, Бим, аист, пудель, лист, свет* и др. При этом авторами словаря не отмечено ни одной реакции со словом *гной*. Поэт использует такую ассоциацию для того, чтобы вызвать чувство отвращения у читателя, что является одним из способов создания эпатирующего эффекта.

Большое количество «эпатажных» метафор используют футуристы при описании города. Так, например, В. Шершеневич, «создавая футуристическую картину современного города, по-

рой механически вводит жуткие гротескные образы, никак не мотивируя их появление» [4, 121]. Метафора, используемая поэтом, лишь усиливает возникшие у читателя жуткие ощущения:

Меня улица изжевала каменными зубами
с пломбами огней,
И дома наморщились, как груди старухи.
Со взмыленной пасти вздыбившейся ночи
Текут слюнями кровавые брызги реклам.
«Я больше не могу тащить
из душонки моей»

Итак, на примере поэзии русских футуристов мы показали, каким образом на лексическом уровне может создаваться эпатаж. Для этого достаточно использования одного из приемов, к числу которых мы отнесли следующие: функционирование в одном контексте нескольких эмотивов, близких либо противоположных по значению, использование эмотивов, содержащих семы пренебрежения, уничижения, для описания «высокой» ситуации, функционирование просторечной лексики, введение окказионализмов, образованных с нарушением законов словообразовательной системы русского языка, привлечение метафор, рисующих антиэстетические и антиэтические образы. Данные приемы были выявлены нами при анализе поэтических текстов русских футуристов. Однако наличие их в других поэтических текстах также будет приводить к возникновению эпатирующего эффекта.

26.08.2010

Список использованной литературы:

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды / Ю.Д. Апресян. В 2-х т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – 768 с.
2. Болотнова, Н.С. О трех направлениях коммуникативной стилистики художественного текста и изучении текстового слова / Н.С. Болотнова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. – Томск, 2000. – С. 9-22.
3. Зализняк, А.А. Эстетическое измерение в русской языковой картине мира: быт, пошлость, вранье / А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – С. 209-230.
4. Иванова, Е.А. Символизм и футуризм в творческом сознании В. Шершеневича в 1913 году / Е.А. Иванова // Русская культура в текстах, образах, знаках 1913 г.: Материалы межрегионального научно-теоретич. семинара «Культурологические штудии». Вып. 3. – Киров: Изд-во ВятГУ, 2003. – С. 116-121.
5. Колесов, В.В. Язык города / В.В. Колесов. – М.: Высш. шк., 1991. – 192 с.
6. Левонтина, И.Б. Осторожно, пошлость! / И.Б. Левонтина // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. С. 231-250. ISBN 5-85759-275-5.
7. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2004. – 208 с.
8. Невзглядова, Е. Дочь будетлян / Е. Невзглядова // Вопросы литературы. – 2006. – №2.
9. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. доп. – М.: «ИТИ технологии», 2003. – 944 с.
10. Печенкина, О.Ю. Содержание концептов Бог и Судьба в текстах пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.Ю. Печенкина. – Орел, 2001.
11. Полухина, Я.П. Словотворчество Василия Каменского: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Я.П. Полухина. – Тюмень, 2002. – 22 с.

12. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
13. Поэзия русского футуризма / Вступ. статья В.Н. Альфонсова. – СПб.: Академический проект, 2001. – 752 с.
14. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов и др. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.
15. Словарь синонимов / Под ред. И. Писарева. – М.: ТОМ, 1997. – 648 с.
16. Ходасевич, В.Ф. О Маяковском / В.Ф. Ходасевич // Литературные статьи и воспоминания. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. – С. 221-231.

Сведения об авторе:

Завадская Анастасия Викторовна, старший преподаватель кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук

460018, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, тел.: (3532) 372436, e-mail: den_nastya@mail.ru

Zavadskaya A.V.

Lexical means of epatage creation in art texts (on the example of the poetry of Russian futurists)

It is shown in this article that epatage is a style-formative character of the poetry of Russian futurists. The author regards methods of epataged effect creation on the lexical level. On the base of a made classification of lexical means for epatage creation the author makes a conclusion that this classification can be used to another poetic texts.

Key words: art text, Russian futurism, epatage, epataged effect, emotive vocabulary, occasionalism, low colloquial vocabulary, metaphor.

Bibliography:

1. Apresyan, Y.D. Selected Works / Y.D. Apresyan. In 2 Vols T. 2: The integrated description of language and system lexicography. - M., 1995. - 768 pp.
2. Bolotnova, N.S. About three directions of communicative stylistics of the literary text and studying of the text word / N.S. Bolotnova / Communicatively-pragmatical aspects of a word in the literary text. – Tomsk, 2000. – P. 9-22.
3. Zaliznyak, A.A. Aesthetic measurement in Russian language picture of the world: life, platitude, lies / A.A. Zaliznyak, A.D. Shmelev // The logic analysis of language. Aesthetics languages: Conceptual fields of fine and ugly / Editor. Ed. ND Arutyunova. – M.: Indrik, 2004. – P. 209-230.
4. Ivanova, E.A. Symbolism and Futurism in the V. Shershenevich's creative consciousness in 1913 / E.A. Ivanova // Russian culture in the texts, images, signs in 1913: Materials of the Interregional Scientific and Theoretical Seminar "Culturological studies". Vol. 3. – Kirov: Publishing house VyatGU, 2003. – P. 116-121.
5. Kolesov, V.V. Language of the City / V.V. Kolesov. – M.: Vyssh.shk., 1991. – 192 pp.
6. Levontina, I.B. Beware of vulgarity! / I.B. Levontina // The logic analysis of language. Aesthetics languages: Conceptual fields of fine and ugly / Editor. Ed. ND Arutyunova. - M.: Indrik, 2004. P. 231-250. ISBN 5-85759-275-5.
7. Maslova, V.A. Linguoculturology / V.A. Maslova. – Moscow: Academy, 2004. - 208 pp.
8. Nevzglyadova, E. Daughter of budetlyan / E. Nevzglyadova // Literature Questions. – 2006. – № 2.
9. Ozhegov, S.I. Defining dictionary of Russian language / S.I. Ozhegov, N.Y. Shvedova. - 4th ed. additional. - M.: «ITI Technologies, 2003. – 944 pp.
10. Pechenkina, O.Y. Contents of concepts God and Fate in the texts of proverbs and the sayings collected by V.I.Dal: Abstract. diss. ... Candidate. Philology Science: 10.02.01 / O.Y. Pechenkina. – Oryol, 2001.
11. Polukhina, J.P. Vasily Kamensky's creation of new words: Abstract. diss. ... Candidate. Philology. Science: 10.02.01 / J.P. Polukhina. – Tyumen, 2002. – 22 pp.
12. Popova, Z.D. Cognitive linguistics / Z.D. Popova, I.A. Sternin. – M.: AST: East-West, 2007.
13. Poetry of Russian Futurism / Prolusion of V.N. Alphonsov. – Spb.: Academic Project, 2001. – 752 pp.
14. The Russian associative dictionary. In 2 v. V. 1 From stimulus to reaction: About 7000 stimulus / J.N. Karaulov and etc. – M.: LLC «Astrel Publisher»: LLC «AST Publishers», 2002. – 784 pp.
15. The Dictionary of Synonyms / Under the editorship of I.Pisarev. – M.: TOM, 1997. – 648 pp.
16. Khodasevich, V.F. About Mayakovsky / V.F. Khodasevich / Literary articles and memoirs. – New York: Publishing house of Chekhov, 1954. – P. 221-231.